

ИСТОРИЯ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Из апологетических чтений Лютера¹⁾).

Спаситель нашъ, предъ вознесеніемъ нѣ небо прощался съ учениками своими, заповѣдалъ имъ идти во весь міръ, всюду проповѣдывать евангеліе Его, крестить всѣ народы во имя Его, и такимъ образомъ основать общество вѣрующихъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все челоуѣчество. Неслыханная мысль! Уже одна мысль о челоуѣчествѣ была досехъ неслыханною, а тѣмъ болѣе мысль объ обществѣ, заключающемъ въ себѣ всѣ народы со всѣми ихъ противоположностями въ единствѣ вѣры, надежды и любви. И это дѣло должны были совершить немногіе люди изъ самаго презрѣннаго въ древности народа, люди безъ всякаго научнаго образованія, безъ высшаго общественнаго положенія, безъ покровительства сильныхъ, не имѣвшіе другаго орудія для выполненія своего порученія, кромѣ слова—проповѣди, и шритомъ проповѣди, которая іудеямъ казалась соблазномъ, а еллинамъ безуміемъ.

Можно бы сказать,—мысль не только чрезвычайная, но и безразсудная, если бы мы не знали, что сообщилъ ее Тотъ, Кому дана всякая власть на небеси и на земли. Проповѣдью о крестѣ они обратили народы ко Христу. Спаситель нашъ

Die Kirche nach ihrem Ursprung, ihrer Geschichte, ihrer Gegenwart. — Vorträge im 1866 in Leipzig gehalten von Luthardt Kahnis und Bräuer, Professoren der Theologie. Leipzig 1866.

не обольщался и не возбуждалъ въ ученикахъ своихъ ложныхъ надеждъ. Въ будущемъ Онъ имъ предсказывалъ мученичество и, не смотря на то, они должны были обратить міръ. Онъ говорилъ, какъ увѣренный въ побѣдѣ: «они сдѣлають это» и—они сдѣлали. Они терпѣли обиды и поношенія; шли на самую смерть за исповѣданіе имени Христова, но побѣдили міръ и основали царство, которое должно признать величайшимъ событіемъ исторіи и величайшимъ благомъ человѣчества.

Земля видѣла многія царства; инныя изъ нихъ заключали въ предѣлахъ своихъ почти полміра и, казалось, основаны были на тысячелѣтія. Мы удивляемся силѣ духа, которая могла достигнуть такихъ плодовъ и совершить такія дѣла; но мы должны сказать, что все исчезаетъ предъ чуднымъ зданіемъ христіанской церкви. Хотя и теперь ведутъ противъ нея борьбу; но мы знаемъ, что она переживетъ всѣ нападенія, которыя приобрѣли въ настоящее время такую живость и силу. Еще будутъ читать молитвы и пѣть гимны, которыми столько вѣковъ наиздались христіане, между тѣмъ какъ совершенно будутъ забыты имена людей, съ такою увѣренностію провозглашавшихъ конецъ церкви и христіанства.

Какое естественно вывести изъ этого заключеніе?—То, что церковь не есть твореніе человѣческаго ума. Всякое человѣческое произведеніе замкнуто въ кругу своихъ дѣйствій и ограничено въ продолженіи своего существованія. Церковь не была бы тѣмъ, что она есть, этимъ тысячелѣтнимъ зданіемъ и собраніемъ всего человѣчества, если бы она не была твореніемъ Божиимъ, которое носитъ въ себѣ жизнь вѣчности.

Книга Дѣяній апостольскихъ повѣствуетъ намъ, что первые ученики Христовы чудеснымъ образомъ исполнились свыше Духа Святаго, который вдохнулъ въ нихъ новую жизнь, вѣрѣ ихъ сообщилъ новую радость и увѣренность, надеждѣ

ихъ новую твердость и всепобѣждающую силу; ободрить ихъ и сдѣлать способными открыто выступить съ свидѣтельствомъ объ Иисусѣ Христѣ и начать дѣло обращенія, которое продолжается доселѣ. Такъ произошла церковь! Таково начало этого новаго духовнаго царства, Царь котораго на небѣ, господство—въ душахъ человѣческихъ, оружіе—слово, законы—любовь! Оно съ самаго основанія и доселѣ обладаетъ силою Святаго Духа, которая проникаетъ и обновляетъ всѣ отношенія земной жизни, уравниваетъ и примиряетъ всѣ противорѣчія и неравенства человѣческихъ обществъ, уничтожаетъ, или, по крайней мѣрѣ, смягчаетъ печальныя слѣдствія человѣческаго самолюбія и господства его на землѣ, и всѣхъ связуетъ союзомъ мира, который выше всѣхъ благъ земныхъ.

Церковь имѣла богатую исторію: она испытала различныя превратности, была влутываема въ непостоянныя судьбы свѣтской исторіи и прошла ихъ вмѣстѣ съ нею. Но во всѣ времена, съ самаго начала своего происхожденія, въ существѣ своемъ она оставалась неизмѣнною: та же вѣра, та же надежда и любовь, которыя были душою первыхъ христіанъ, опредѣлили мысль и жизнь послѣдующихъ поколѣній, и во всѣ вѣка самыя разнообразныя исповѣданія обращались взоромъ къ апостольской церкви, какъ къ идеалу своихъ желаній.

Апостольскій вѣкъ представляется намъ въ лучезарномъ свѣтѣ не потому только, что фантазія наша любитъ окружать прошедшее поэтическою прелестью. Нѣтъ; мы имѣемъ самыя достовѣрные письменные источники, которые представляютъ намъ вѣрную картину тѣхъ временъ. Откровенно говорить они о грѣхахъ и слабостяхъ, ничего не скрываютъ и ничего не прикрашиваютъ, и однако этотъ образъ минувшихъ дней непреодолимо влечетъ къ себѣ души наши. Это не ложный романтизмъ, который не устоитъ предъ историческою дѣйствительностью. Это чувство лучшаго въ насъ, чув-

ство истины, въ силу котораго твореніе Божіе, церковь, въ первые дни своего бытія представляется гораздо невозмутимѣе и возвышеннѣе, нежели въ позднѣйшія столѣтія, когда въ первоначальной чистотѣ новой духовной жизни примѣнялось столь много нечистаго.

Книга Дѣяній апостольскихъ въ немногихъ чертахъ изображаетъ намъ картину первыхъ дней церкви, но черты эти такъ опредѣленны и краски такъ живы, что представляютъ намъ вполне религіозную и нравственную жизнь перваго христіанина и заставляютъ насъ горько почувствовать то разстояніе, которое удаляетъ насъ отъ него. *Они постоянно пребывали въ ученіи апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ* (Дѣян. 2, 42). *У множества же утвердившихъ было одно сердце и одна душа* (Дѣян. 4, 32).

Древній міръ задавалъ себѣ два вопроса, которыхъ не могъ разрѣшить. Что такое истина?—это первый вопросъ. Кто мой ближній?—второй. Одинъ вопросъ предложилъ Пилать, другой—книжники. Первый былъ вопросомъ язычества, второй іудейства.

Язычество имѣло философію, но не обладало знаніемъ истины. Философія его оканчивалась сомнѣніемъ. Израиль имѣлъ начала истины въ откровеніи, но его духъ законности убилъ въ немъ любовь. Праведность его состояла въ соблюденіи внѣшнихъ предписаній. Христіанство было отвѣтомъ на оба вопроса въ лицѣ самого Іисуса Христа, потому что Іисусъ Христосъ самъ есть въ высочайшей степени истина и любовь. И въ Немъ христіане научились находить то и другое, они научились обладать истиной въ вѣрѣ и любовь проявлять въ жизни. Первое—ихъ религіозная жизнь, второе—нравственная. Любовь и вѣра—вотъ новая жизнь, вошедшая въ міръ вмѣстѣ съ Спасителемъ!

Первые христіане жили вмѣстѣ, какъ одно семейство. Образецъ такой жизни далъ самъ Іисусъ Христосъ; Онъ жилъ среди учениковъ своихъ, какъ отецъ семейства. Когда они садились за общій столъ, Онъ ломалъ хлѣбъ и раздавалъ ученикамъ. Первымъ христіанамъ естественно было удержать этотъ образъ жизни. И когда общество ихъ возросло до нѣсколькихъ тысячъ, они твердо держались этого обычая и, насколько могли, собирались въ отдѣльныхъ домахъ для общей трапезы, подобно тому, какъ собираются къ общему столу разсѣянные дневными трудами члены семейства. Собранія эти одушевлялись молитвою, чтеніемъ священнаго писанія, поученіями въ немъ, и завершались святой вечерей. Последователи Христовы тѣхъ временъ не смотрѣли на религію, какъ на нѣчто особенное, чему должно посвящать только время во храмѣ и нѣсколько минутъ домашней жизни, но вся жизнь ихъ, все поведеніе было проникнуто религіею. На-ряду съ этими домашними религіозными собраніями шли общественныя, во время которыхъ провозглашалось евангеліе Іисуса Христа виѣ стоящимъ іудеямъ и язычникамъ. Пѣніе, молитва, чтеніе священнаго писанія, толкованіе его, призываніе имени Христова,—вотъ начала перваго общественнаго богослуженія.

Но этимъ не ограничивалась религіозная жизнь первыхъ христіанъ. Самыя невинныя удовольствія ихъ освящались молитвою, работы ихъ сопровождались пѣніемъ псалмовъ и гимновъ; даже въ ихъ общественныхъ отношеніяхъ присутствовала религіозный элементъ. Религія была душою всей ихъ жизни. Это не было нѣчто созданное, искусственное,—продуктъ размышленія, а непосредственное проявленіе первыхъ радостныхъ дней юности, новаго религіознаго духа, и невольное изліяніе переполненнаго сердца, которому въ вѣрѣ во Іисуса Христа открылся цѣлый міръ блаженства.

Мы не можемъ вполне представить себѣ этого чувства новизны. У насъ это иначе. Мы выросли въ христіанскихъ преданіяхъ и формахъ жизни; что для первыхъ христіанъ было неслыханнымъ, что проникало ихъ душу и вызывало переворотъ во всемъ ихъ существѣ, то для насъ дѣло привычки, и если мы надъ этимъ размышляемъ, то, можетъ быть, съ одною только цѣлью, нельзя ли какъ нибудь избавиться отъ того, что сдѣлалось привычкою нашей жизни. Такова участь всѣхъ великихъ истинъ! Къ нимъ постепенно становятся равнодушными и нечувствительными. Завидное преимущество первыхъ временъ состоятъ именно въ томъ, что новое начало, вошедшее въ духовную жизнь людей, является со всею первоначальною свѣжестью и радостью увѣреннаго въ своемъ успѣхѣ побѣдителя, который овладѣваетъ умами человѣческими, чтобы надѣлать ихъ новыми восторгамъ.

Въ жизни древнихъ іудеевъ и язычниковъ христіанская вѣра также явилась новымъ могуществомъ. Тяжелое иго лежало на израильтянинѣ. Каждый шагъ его опредѣленъ былъ закономъ, и всякое нарушеніе его предписаній было въ тоже время грѣхомъ противъ Бога. Кто могъ похвалиться соблюденіемъ закона? Даже самая большая точность въ исполненіи его не избавляла отъ осужденій во грѣхахъ. Приносились очистительныя жертвы; ежедневно повторялись ояѣ во храмѣ; но очистить совѣсть отъ обвиненій не могли. Богъ обѣщаль ему новый заветъ. Цисанія пророковъ полны были предсказаній о новомъ времени спасенія. А между тѣмъ въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ уста пророчества оставались пѣмъ. Обстоятельства Израиля становились все печальнѣе. Не явится ли скоро обѣщанная помощь? Таковы были мысли, волновавшія душу благочестиваго израильтянина. Если съ этимъ печальнымъ настроеніемъ совпадала радостная увѣренность, что это онъ, Іисусъ назаретскій, есть давно обѣ-

ищанный, давно желанный, наконецъ явившійся, конецъ закона, исполненіе обѣта, откровеніе милости, врата спасенія, путь къ небу,—какой могущественный переворотъ чувствъ и мыслей должно было это вызвать въ душѣ новообращеннаго! Хотя вожди его народа и расняли обѣщаннаго Мессію, но тѣмъ глубже должно было быть его раскаяніе и тѣмъ пламеннѣе благодарная любовь.

Міръ язычества долго трудился надъ познаніемъ истины, но—напрасно. Благороднѣйшіе и способнѣйшіе умы истощались въ усилахъ достигнуть истины и достовѣрности, но ихъ умственные выводы потрясались все болѣе и болѣе, наконецъ совершенно уничтожились критикою послѣдующихъ временъ; и у нихъ ничего не осталось бромѣ сомнѣнія и неизвѣстности. Мы имѣемъ цѣлый рядъ письменныхъ памятниковъ тѣхъ временъ до появленія и вскорѣ послѣ появленія въ мѣръ христіанства, которые заключаютъ въ себѣ изслѣдованіе вопросовъ, волнующихъ всякаго серьезнаго человѣка, вопросовъ о Богѣ и душѣ человѣческой; но подобно легкой ладѣ, бросаемой волнами бурнаго моря, колеблются шаткія мысли философовъ и даже въ простѣйшихъ истинахъ, относящихся къ первымъ началамъ познанія, имъ не достаетъ увѣренности. Состояніе это было невыносимо для всѣхъ серьезныхъ умовъ, потому что душа человѣческая требуетъ достовѣрности и жаждетъ истины. Даже самыя заблужденія человѣка показываютъ только его потребность познанія и успокоенія. То было время величайшихъ заблужденій. Всюду являлись обманщики, старавшіеся извлечь для себя пользу изъ этой сильной жажды истины и которые къ старымъ заблужденіямъ только прибавляли новыя. Апостолъ Павскъ характеризуетъ это состояніе языческаго міра словами, называя его состояніемъ безъ Бога и безъ надежды (Ефес. 2, 12).

Такъ дѣйствительно и было. Но нѣтъ ничего печальнѣе положенія людей, не имѣющихъ опоры въ настоящемъ и надежды въ будущемъ. Нравственное состояніе языческаго міра достигло крайняго предѣла испорченности. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ изображаетъ намъ ужасающую картину того времени (Рим. 1, 26—32). Можно бы подумать, что нравственное негодованіе строгаго христіанина усилило колоритъ этой картины, если бы языческіе писатели не представляли намъ комментарія на каждое слово апостола. Въ жизни господствовалъ духъ самолюбія и самой низкой чувственности; даже благороднѣйшіе умы не могли уклониться отъ заразительнаго могущества безнравственной атмосферы, въ которой они жили.

При такомъ положеніи дѣлъ появилось христіанство съ своими новыми истинами и новою нравственностью. Какое открылось поприще для размышлений! Какое откровеніе о существѣ и волѣ Божіей, какое ясное понятіе о назначеніи человѣка и путяхъ къ спасенію его! Какія надежды для будущаго исторіи міра и каждого отдѣльнаго лица! Всѣ эти новыя истины, вызывавшія совершенный переворотъ понятій въ умѣ юныхъ христіанъ и приводившія душу ихъ въ сильнѣйшее волненіе, сивались въ одно—вѣру во Іисуса Христа, Сына Божія и Спасителя всѣхъ людей.

Однимъ этимъ именемъ выразилась вся новая религія, въ одномъ этомъ познаніи заключалось все новое міросозерцаніе христіанства.

Это новое жизненное могущество христіанской вѣры всюду распространяло влияние свое. Христіанство не только было новой религіей, но и новой нравственностью.

Новый духъ проникъ въ все человѣческія отношенія и, не разрушая внѣшней стороны, обновилъ ихъ внутренно. Вотъ

великое дѣло христіанства: не возбудивши революціи, оно сдѣлалось нравственной реформой жизни. Сила, породившая эту великую реформу—любовь.

Такое новое нравственное могущество не-извѣстно было доселѣ древнему міру. Апостольская церковь представляется намъ обществомъ вѣрующихъ, душею котораго была любовь. *У нихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее* (Дѣян. 4, 32). Подъ этимъ разумѣлась не внѣшняя общность имущества—начало коммунизма, а духъ свободной любви, уравнивающій всѣ противоположности.

Въ жизни языческаго гражданскаго общества господствовали самыя сильныя противорѣчія. Женщина была угнетена, дѣти предоставлены произволу, трудъ презирался, рабовъ не считали людьми. Христіанство все измѣнило, но не тѣмъ путемъ, который избирають нетерпѣливые энтузіасты, жаждущіе быстрой перемѣны внѣшнихъ обстоятельствъ и отъ одного зла переходящіе къ другому, часто большему, а путемъ внутренней нравственной силы новаго духа любви, постепенно уничтожавшаго пагубныя слѣдствія самолюбія въ обществахъ человѣческихъ. Съ христіанствомъ началась новая исторія для женщины. Женщина Іисусу Христу также близка, какъ и апостолы, и христіане научились видѣть въ женщинахъ сонаслѣдницъ блаженства и соучастницъ въ святости. На дѣтей Спаситель также возлагалъ благословляющую руку, какъ и на вающихся грѣшниковъ приходившихъ къ Нему, а крещеніе придавало имъ новое значеніе въ глазахъ родителей и христіанскаго общества. Трудъ до тѣхъ поръ считался унижительною для свободнаго человѣка. Іисусъ Христосъ и ученики Его освятили его примѣромъ своимъ и признаніе нравственнаго значенія труда и достоинства его сдѣлалось съ тѣхъ поръ вѣщимъ достоинствомъ человѣчества. Рабъ былъ въ

глазахъ даже величайшихъ философовъ только одушевленное орудіе; христіанство сдѣлало его братомъ свободнаго человѣка.

Въ политической жизни христіане сначала не могли принимать участія; потому что вся она была проникнута языческимъ духомъ и языческими нравами; но право высшей власти уяснилось только христіанствомъ, которое есть духъ свободы, но свободы новой, неизвѣстной даже республикамъ древняго міра. Это—свобода, повинующаяся волѣ Божіей. Въ іудейскомъ народѣ того времени господствовалъ революціонный духъ. Народъ этотъ постоянно возставалъ противъ своихъ притѣснителей; но слѣдствіемъ этихъ возстаній было еще большее угнетеніе его; христіане переносили всѣ притѣсненія съ тихимъ смиреніемъ и, наконецъ, побѣдили.

Преслѣдованія христіанъ прежде всего начались со стороны іудеевъ. Архидіаконъ Стефанъ смертію своею открылъ рядъ мучениковъ. Іаковъ Заведеевъ первый изъ апостоловъ послѣдовалъ за нимъ. Что началъ Израиль, то продолжало язычество. Правительство соперничало съ народными страстями и, не смотря на то, апостолы проповѣдывали повиновеніе высшей власти; путемъ терпѣливаго страданія они побѣдили міръ.

Исторія апостольской церкви раздѣляется на три періода. Въ первый періодъ церковь основывается среди іудейскаго народа, во второй распространяется на почвѣ языческаго міра, въ продолженіе третьяго происходитъ объединеніе того и другаго народа, и на исторію основанія церкви налагается печать законченности.

Израиль имѣлъ ближайшее историческое право на посьство отъ Іисуса Христа, и первая христіанская церковь собрана была изъ іудеевъ. Она старалась сохранять связь съ Израилемъ и, по возможности, придерживалась ветхозавѣтныхъ обрядовъ, чтобы не вооружить противъ себя избраннаго

народа и обезпечить свое вліяніе на него. Это было время основанія церкви и главнымъ дѣтелемъ въ теченіи его является ап. Петръ.

Быстрота ума и дѣйствій, живость и впечатлительность характера составляютъ естественныя качества ап. Петра. Онъ внесъ эту живость и подвижность своей природы въ новую жизнь открывшуюся ему во Христѣ. И здѣсь онъ всегда слѣдовалъ первому, впечатлѣнію. Это было его преимущество и вмѣстѣ съ тѣмъ его недостатокъ. Онъ одинъ отъ лица всѣхъ исповѣдалъ вѣру въ Иисуса Христа, какъ сына Божія, и это исповѣданіе сдѣлалось вѣрованіемъ всей церкви, и онъ же отрекся отъ своего Учителя. Но тотчасъ-же омылъ паденіе свое слезами раскаянія и изъ примѣра Господа научился кротости и терпѣнію. Благодать Божія преобразила его природу. Онъ обладалъ даромъ находчивости. Это сдѣлало его устами апостоловъ, и онъ избранъ былъ орудіемъ основанія церкви. Первая проповѣдь его приобрѣта тысячи послѣдователей Христу и юная церковь наслаждалась спокойствіемъ подъ его руководствомъ. Онъ трудился въ настоящемъ, но его не-преодолимо влекло къ будущему. Взоръ его былъ устремленъ на неуывдаемое наслѣдіе въ небѣ, и посланіе его поучаетъ христіанъ тому, что они странники и пришельцы на землѣ, гдѣ они пролагаютъ путь къ истинному отечеству.

Именемъ ап. Петра обозначается первый періодъ церкви, который можно назвать іудейскимъ, назначеніемъ его было—продолжить связь стараго съ новымъ. Далѣе слѣдуетъ періодъ церкви, въ который христіанство мало-помалу отрѣшается отъ іудейства и вступаетъ въ борьбу съ нимъ.

Апостоль Павелъ имѣлъ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя роду человѣческому дарятся столѣтіями. Въ слабомъ, болѣзненнымъ тѣлѣ обиталъ пламенный духъ. Величественный, проницательный взглядъ, твердая энергическая воля, быстрота

и неутомимость дѣйствій были качествами ап. Павла. Человѣкъ мысли и въ то-же время самообладанія, онъ всю силу своего ума посвятилъ религiи. Будучи въ началѣ ревностнымъ фарисеемъ и жестокимъ гонителемъ христіанской церкви, онъ чудеснымъ явленіемъ Христа преобразился въ самаго ревностнѣйшаго изъ учениковъ Его, и сдѣлался самымъ пламеннымъ защитникомъ дѣла Христова. Свою прежнюю вину противъ Христа и Его церкви онъ хотѣлъ загладить усердіемъ своимъ и трудился больше всѣхъ другихъ. Если мы хотимъ знать, что значить сдѣлать какое нибудь дѣло задачей всей своей жизни, отдаться ему съ безусловнымъ самоотверженіемъ и изнурить себя въ служеніе ему, то этому можемъ научиться изъ примѣра ап. Павла. Чего не претерпѣлъ онъ ради вѣры во Христа! Иудеи три раза жесточайшимъ образомъ били его палками (2 Кор. 11, 23), однажды забросали его камнями и оставили, считая мертвымъ. Изыческое правительство заключило его въ темницу; философы издѣвались надъ нимъ; онъ испытывалъ опасности на морѣ и сушѣ, устоялъ противъ людей и стихій; претерпѣлъ кораблекрушеніе; и день и ночь боролся съ бурными волнами моря; его слабое тѣло поставляло ему сильнѣйшія препятствія на этомъ пути и готовило искушенія, въ которыхъ онъ чувствовалъ удрученія сатаны. И все это не измѣнило его пути и онъ не утомился. Онъ шелъ, какъ побѣдоносный воинъ, чтобы завоевать весь міръ своему Господу и Царю.

Путь его велъ изъ страны въ страну, изъ города въ городъ. Главное поприще его дѣятельности было въ большихъ городахъ римскаго царства. Изъ Сирiи онъ отправился въ Малую Азію и распространилъ благовѣстіе въ этой странѣ отъ Тарса на юговосточномъ берегу Азіи до Ефеса и Трои на западномъ берегу. Отсюда онъ переправился въ Европу и прошелъ Грецію отъ Филиппъ и Фессалоники до Афинъ и

Коринфеа. Но мыслию своею онъ давно стремился къ дальнему западу, хотѣлъ проникнуть въ Испанію съ проповѣдью о Христѣ, и Римъ, столицу міра сдѣлать центромъ христіанства на западѣ. И ни одна изъ христіанскихъ общинъ, основанныхъ имъ, не была забыта и пренебрежена; всѣхъ ихъ носилъ онъ въ своемъ сердцѣ и ежедневно молился за нихъ. Ихъ желанія были его желаніями. Онъ также заботился о благѣ каждаго отдѣльнаго лица, какъ о благѣ всей церкви; онъ внутренне сочувствовалъ каждому и продолжалъ свой путь; его любовь обнимала воѣхъ и неутомимо слѣдовала за каждымъ отдѣльнымъ членомъ и всякому дѣлу онъ предавался со всею силою души своей.

Дѣйствіе словъ своихъ онъ подкрѣплялъ посланіями. Ни одинъ апостолъ не оставилъ намъ столько писаній, какъ онъ. Всѣ они полны того же пламеннаго, могучаго, богатаго духа; во всѣхъ та же глубокая ревность, та же непоколебимая вѣра, та же горячая любовь. Это все—таже истина объ Иисусѣ Христѣ, которую онъ всюду провозглашаетъ, но всегда съ новой стороны. Это тотъ-же языкъ сердца, который мы слышимъ во всѣхъ посланіяхъ, но молитвы его всегда новы.

То онъ возводитъ насъ какъ-бы на обзорную башню всемірной исторіи и заставляетъ широко обозрѣвать пути Божескіе и человѣческіе и рисуетъ предъ нами картину всего развитія человѣчества. Апостолъ Павелъ первый крупными чертами изобразилъ то, что мы называемъ философіей исторіи, эту царскую науку, обрабатываемую со времени Гердера и Лессинга. То представляетъ онъ намъ борьбу собственной жизни, борьбу за свободное милосердіе Божіе противъ духа ложной законности и рабства; слова его волнуются подобно битвѣ, а мысли тѣснятся подобно бурной толпѣ войскъ. То вдругъ затрогиваетъ онъ нѣжнѣйшія струны сердца, когда поетъ хвалу любви; пивто не пѣлъ ес богаче и прекраснѣе,

или говорить съ филиппійцами, какъ только отецъ или мать способны говорить съ дѣтьми своими, такъ ласково и радушно; или когда, возвращаясь благо и обращеннаго имъ раба Филимону, пишетъ ему посланіе полное неподражаемой нѣжности и самой любезной обходительности; или когда онъ нѣжно зоветъ Тимофея, какъ умирающій отецъ зоветъ своего любимого сына, чтобы еще разъ взглянуть ему въ глаза и благословить его предъ смертію. Не знаешь, чему больше удивляться: энергіи ли воли, или полнотѣ ума, или богатству и нѣжности чувства. Все это было не одна природа, но и благодать. Богъ награждалъ его дарованіями, потому что съ самаго рожденія избралъ его своимъ слугою. Безъ этого все было бы напрасно: Павелъ прошелъ бы землю безъ всякаго слѣда, можетъ быть оставилъ бы славное имя въ талмудѣ, но не сдѣлался бы благословеніемъ человѣчества, если бы природа его не обновилась благодатью и умъ его не сдѣлался бы сосудомъ откровенія. Духъ Иисуса Христа сдѣлалъ его такимъ великимъ и благословеннымъ.

Ни у одного апостола не отдѣляется такъ рѣзко старое отъ новаго, какъ въ жизни апостола Павла. *Древнее прошло и все сдѣлалось ново.* Эти слова были девизомъ его жизни, и съ этой точки зрѣнія понималъ онъ христіанство и исторію всего міра. Это *новое*—было откровеніе благодати. Оно сдѣлало его новымъ человѣкомъ. Прежде онъ искалъ въ фарисействѣ и въ соблюденіи закона оправданія предъ Богомъ и успокоенія своей души, и не находилъ ихъ; на этомъ же пути онъ сдѣлался врагомъ Бога и гонителемъ Христа. Онъ сознавалъ, что его спасла на этомъ гибельномъ пути самая не заслуженная милость Божія, какая только можетъ быть оказана человѣку. Изъ этого собственнаго опыта возникло все его богословіе. Жизнь его съ тѣхъ поръ посвящена была проповѣди о благодати въ противоположность закону. За эту

истину онъ велъ великую борьбу. Значительная партія внутри самой церкви хотѣла удержать христіанство въ предѣлахъ іудейства, и если бы она побѣдила, то христіанство низшло бы до іудейской секты. Апостолъ Павелъ уничтожилъ эту партію и спасъ міровое значеніе христіанства. Въ этомъ состоитъ его призваніе и это его великая заслуга. Хотя смерть его послѣдовала повидимому преждевременно (ему было около 60 лѣтъ, когда онъ претерпѣлъ мученическую смерть въ Римѣ), но онъ выполнилъ свое призваніе. Мысль его побѣдила.

На престолѣ римскихъ цезарей возсѣдалъ тогда Неронъ, который хотя имѣлъ задатки для лучшаго будущаго, но совершенно извратилъ свою природу. Онъ обогрѣвъ былъ кровью матери своей и на немъ тяготѣло убійство учителя его Сенеки. Сумасбродство, сластолюбіе и жестокость были господствующими его страстями. Въ то время Римъ былъ жертвой величайшаго въ мірѣ пожара. Въ продолженіи 6 дней онъ поглощаемъ былъ яростью огня. Мысль, что Неронъ былъ виновникомъ этого пожара, приняла широкіе размѣры и не была лишена вѣроятія. Въ толпѣ убійцъ и поджигателей узнали слугъ Нерона. И самъ онъ съ злобною радостью любовался съ высоты башины этимъ ужасающимъ арѣлищемъ. Чтобы погасить эту молву, онъ свалилъ свою вину на христіанъ, и они были предаваемы самымъ изысканнымъ казнямъ, ихъ зашивали въ кожи звѣрей и бросали на сѣденіе дикимъ псамъ; ихъ распинали на крестахъ, обливали смолой и привязывали къ столбамъ въ садахъ Нерона, гдѣ они служили факелами для освѣщенія его ночныхъ оргій. Вѣроятно во время этого ужаснаго гоненія христіанъ, послѣдовала въ Римѣ мученическая смерть св. ап. Петра и Павла. Первый, какъ извѣстно, былъ распятъ на крестѣ, а Павелъ убитъ мечемъ, какъ римскій гражданинъ. Церковь лишила въ нихъ

самой твердой опоры. Но ап. Петръ навсегда упрочилъ ея основаніе, а ап. Павелъ обезпечилъ ея будущность.

Въ это время надъ Іудеею собиралась гроза, разразившаяся потрясающимъ гнѣвомъ Божиимъ въ разрушеніи Іерусалима. Страшныя предзнаменованія предвѣщали приближеніе суда Божія. Многo полухумный человѣкъ, по имени Іисусъ, среди всеобщаго веселія, въ праздникъ кушчей поднялъ внезапно вопль объ Іерусалимѣ, продолжавшійся 7 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, пока его не поразилъ смертельный ударъ при осадѣ города. И онъ умеръ съ воплемъ объ Іерусалимѣ. Разсказывали, что въ послѣдній годъ, во святую ночь праздника пасхи, тяжелыя мѣдныя двери храма отворились сами собою и слышался невидимо голосъ: «прейдемъ отсюда». Эти и другія разнообразныя предзнаменованія волновали умы и предвѣщали народу тяжелыя бѣдствія.

Уже нѣсколько лѣтъ шла борьба съ римлянами въ Галилеѣ и Іудеѣ; сначала счастье было на сторонѣ іудейскаго оружія, но христіане не обольщались этимъ временнымъ успѣхомъ. Поймня предсказанія суда Господня надъ Іерусалимомъ, они оставили этотъ городъ и удалились за Іорданъ на восточную сторону его. Судьба Іерусалима рѣшилась во время пасхи. Болѣе милліона людей собралось на праздникъ въ святой городъ. Тогда придвинулись къ городу римскіе легіоны и окружили его. Со всѣхъ сторонъ началась жестокая битва. Римская храбрость и религіозный фанатизмъ оспаривали другъ у друга побѣду. А въ городѣ свирѣпствовали дикая борьба партій, отчаянье и голодъ. Исторія разсказываетъ о бѣдствіяхъ народа ужасы, отъ которыхъ кровь застываетъ въ жилахъ, и солнце должно было бы сойти съ своего вѣковѣчнаго пути, чтобы не быть свидѣтелемъ этой ужасающей картины. Часть города уже была разрушена, но еще упорствовалъ бодрый духъ безумцевъ во храмѣ. Въ самую святиню

ворвалась кровавая битва. Тогда насталъ день гибели Израиля.

Титъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ пощадить храмъ, но это было напрасно; онъ не долженъ былъ существовать. Титъ еще разъ вошелъ взглянуть на святыню; она запылала и рушилась. Это случилось 10 августа 70 года, спустя 40 лѣтъ послѣ смерти Спасителя, въ тотъ самый день, въ который разрушенъ былъ первый храмъ силою Навуходоносора.

Иисусъ Христосъ предсказалъ этотъ судъ, и странно исполнилось слово Его: не осталось камня на камнѣ. Поэты воспѣли паденіе Трои; исторія изобразила потрясающими чертами въ памяти потомства разрушеніе Магдебурга. Но что такое Троя и Магдебургъ въ сравненіи съ Іерусалимомъ? Здѣсь жертвы считались сотнями тысячъ, и ужасы тѣхъ дней представляли образъ страшнаго суда.

Тогда-то, послѣ паденія Іерусалима и храма, разорвалась связь, соединявшая церковь съ Израилемъ. Самъ Господь уничтожилъ ее; съ тѣхъ поръ церковь идетъ самостоятельнымъ путемъ.

Долѣ прочихъ апостоловъ суждено было подвизаться Іоанну Богослову. Ефесъ, мѣсто дѣйствій ап. Павла, избралъ онъ поприщемъ своей дѣятельности. Природа Іоанна была сосредоточенная; но въ пей горѣло сдерживаемое пламя, которое иногда обнаруживалось бурно, подобно грому. Когда однажды самарійскій городъ отказался принять Іисуса съ Его учениками, Іоаннъ въ порывѣ гнѣва хотѣлъ умолить Бога ниспослать огонь на этихъ недоброжелателей. И потому Іисусъ Христосъ называлъ его и брата его Іакова сыновьями грома. На персяхъ Спасителя научился онъ смиренію и обрѣлъ божественный миръ души, который разливаетъ и на писанія его дивное очарованіе спокойствія и величія. Никто Іисусу

Христу не былъ такъ близокъ, какъ онъ; ни къ кому Господь не питалъ такихъ нѣжныхъ чувствъ, какъ къ нему. И въ позднѣйшіе годы жизни лучшимъ воспоминаніемъ старца Іоанна было воспоминаніе о томъ, что онъ былъ ученикомъ, *котораго любилъ Іисусъ*. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей Христа, и подъ крестомъ стоитъ онъ одинъ изъ всѣхъ апостоловъ. Его называли апостоломъ любви, также какъ апостола Павла—проповѣдникомъ вѣры, а Петра—проповѣстникомъ надежды. И дѣйствительно, жизнь его была любовью,—любовью къ Іисусу Христу. Но его любовь не простиралась до изнѣженной слабости, въ ней всегда было что-то строгое и рѣзкое. Встрѣтившись съ лжеучителемъ Керинеомъ въ банѣ, онъ не захотѣлъ даже оставаться съ нимъ подъ одною кровлею. Въ своей великой пророческой книгѣ, такъ называемомъ Откровеніи Іоанна Богослова, онъ погружаетъ кисть свою въ самыя яркія краски, и картины, въ которыхъ онъ изображаетъ великую борьбу царства Божія съ княземъ тмы, какъ бы огнемъ нарисованы. Въ своемъ способѣ воззрѣнія и изложенія онъ особенно останавливается на изображеніи этихъ великихъ контрастовъ: весь міръ и всѣ люди раздѣляются у него на царство свѣта и царство тмы. Крайности его характера были претворены и освящены глубиною чувствъ къ Іисусу, сосредоточенностью и какою-то задумчивостью, которая навсегда сдѣлала его у христіанъ самымъ любимымъ изъ апостоловъ.

Ему назначено было завершить дѣло апостоловъ. Призваніемъ его не была широкая дѣятельность. Іоаннъ всегда былъ тихъ и молчаливъ, но, какъ патріархъ, онъ дѣйствовалъ въ Ефесѣ до глубокой старости. И еще долго послѣ его смерти сохранялся въ памяти церкви образъ его первосвященническаго достоинства. Въ богословіи церковномъ онъ глубоко напечатлѣлъ слѣды своего высокаго духа. Онъ дожилъ

до конца столѣтія и перенесъ церковь изъ апостольскихъ временъ во времена послѣ-апостольскія.

Церкви угрожала тогда великая опасность, открывшаяся внутри ея самой. Возстали необузданные умы, злоупотреблявшие словами ап. Павла о свободѣ въ смыслѣ беззаконности и безнравственности; если бы они побѣдили, церковь пришла бы въ упадокъ. Борьба противъ нихъ была призваніемъ ап. Іоанна. Онъ побѣдилъ опасность, изгналъ изъ церкви этихъ духовъ, спасъ истину христіанской вѣры и христіанской жизни и возстановилъ въ церкви духъ порядка. Но ередоточіе всего его ученія, душа его жизни былъ Іисусъ Христосъ. Никто не проникъ такъ глубоко тайны Іисуса и существо Его. Онъ писалъ послѣ всѣхъ апостоловъ; но когда писалъ, то никто никогда не говорилъ глубже его о существѣ Христа. Мы имѣемъ три письменныя произведенія его: Евангеліе, Посланія и Откровеніе. Они прекрасно соединяются въ одно цѣлое. Евангеліе учить насъ вѣрѣ въ Сына Божія, въ которомъ заключается жизнь; Посланія проповѣдуютъ любовь, открывшуюся во Христѣ, а Откровеніе его внушаетъ намъ надежду, которая должна осуществиться со вторымъ пришествіемъ Христа. Таково его завѣщаніе церкви!

Въ немъ умеръ послѣдній свидѣтель изъ апостоловъ. Съ тѣхъ поръ церковь продолжаетъ путь свой безъ личнаго руководства апостольскаго. Но Господь и Учитель ея на небѣ, духъ Іисуса, живущій въ ней на землѣ, вѣра во Іисуса Христа въ сердцахъ христіанъ, слово истины, служащее ей свѣтильникомъ на темномъ пути ея исторіи,—вотъ то, чѣмъ обладаетъ церковь и чего достаточно ей, чтобы исполнить свое призваніе! А призваніе ея—быть мѣстомъ спасенія на землѣ для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. И будущая ея цѣль есть усовершенствованіе всѣхъ вѣрующихъ. Имена апостоловъ Петра, Павла и Іоанна обозначаютъ три періода

апостольской церкви. Въ нихъ часто видѣли прообразъ великихъ судебъ исторіи церкви. Первые столѣтія и владычество Рима сравнивали съ періодомъ церкви апостола Петра; съ реформаціею, думали, открылся періодъ апостола Павла; и въ то время, къ которому мы приближаемся, хотятъ видѣть церковь апостола Іоанна. Вѣрно это сравненіе или нѣтъ, но мы знаемъ одно, — что всѣ они въ душѣ своей носили одно имя; это — имя Іисуса Христа. Его провозглашали всѣ апостолы, предъ Нимъ преклоняли колѣна христіане всѣхъ времъ. Онъ есть исповѣданіе нашей вѣры, нашей любви и надежды.

Фр. Шарко.

